

«Управляемый хаос» как политическая технология в современной геополитике

© В.Н. Ремарчук

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Раскрыта сущность такого политического явления, как «управляемый хаос», а также его идеологические и организационные основы. Обоснованы социально-политические причины «хаотических процессов» в глобальной международной политике, изложены их цели и средства. Показана технология «цветных революций» как основного способа перехвата власти в современных условиях. Названы условия, которые могут способствовать перехвату власти в России.

Ключевые слова: глобализация, национальный суверенитет, доктрина, теория «управляемого хаоса», идеология, постмодерн, революция, политическая элита, перехват власти.

Наступивший XXI век существенно отличается от прошедших столетий. Немало объективных фактов позволяют утверждать, что человечество переживает эпохальный и весьма непростой с исторической точки зрения период, характеризующийся, с одной стороны, чередой перемен, которые не ограничиваются каким-то одним регионом земного шара, а происходят почти повсеместно. О сложности грядущего еще в середине 1960-х годов предупреждал Ауреллио Печчеи, основатель и первый президент «Римского клуба». Он, в частности, говорил: «Времена, в которые мы живем, полны угроз и опасностей. Но мы настолько занялись собственными делами, что в конце концов утратили представление о сложности окружающего нас мира... В истории трудно найти другой период, когда люди смотрели бы в будущее с такой неподдельной тревогой. В самом деле, это похоже на возврат к Средним векам, когда разум человека был объят страхом перед наступлением нового тысячелетия...» [1]. Как видим, эта характеристика в полной мере соответствует текущему времени.

С другой стороны, нам не всегда известен источник «обрушившихся» изменений, главный их вектор. Ситуация неизвестности формирует следующее существенное отличие наступившего времени, суть которого заключается в значительном снижении понимания людьми вершащихся политических и социально-экономических процессов в стране и в мире. Не утруждает себя разъяснением происходящего и отечественная политическая элита (под элитой будем иметь в виду группы людей, принимающих политические решения и контролирующих основные ресурсы общества). Разброс мнений экспер-

тов еще более усложняет возможность понимания текущего времени. Такая ситуация обуславливается тем, что современное отечественное обществоведение не в состоянии дать адекватное научное объяснение происходящему [2], не позволяя тем самым власти, исходя из сущности политических реалий, принять правильное политическое и управленческое решение. Однако еще в 1970-х годах было очевидно, что характерной чертой будущего мира станут бурные, зачастую непредсказуемые социальные изменения. Достаточно вспомнить коллапс мира социализма и исчезновение глобального биполярного мирового противостояния, формирование мощных коммуникационных систем, существенно влияющих на политику, и, наконец, явный триумф капитализма в мире. А развертывание острой конкуренции за природные ресурсы, продовольствие, территорию и даже воду свидетельствует о возвращении (ренессансе) к старой геополитической борьбе, но с качественно новыми, изощренными средствами, плохо поддающимися анализу и исследованию старыми методологическими приемами.

Эксперты подтверждают, что реализуемый глобальный сценарий можно представить как объединение мира на основе неолиберальных ценностей, стандартов и единого свободного рынка. Совершенно очевидно, что подобное объединение невозможно без предварительного разрушения традиционных общностей, основанных на иной духовно-культурной исторической традиции. При этом философской, если угодно — идеологической, основой подобного объединения выступает постмодерн, проповедующий радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором «все дозволено», здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей.

Следует особо подчеркнуть, что философия постмодерна закладывает совершенно иную логику в развитие мира политического, по сути, приобретающего свой автономный статус, поскольку события, происходящие в нем, не отражают ни воли гражданского общества, ни высшего исторического разума или социального прогресса, а выступают как автономное явление, порожденное властью, для власти и во имя власти. С прежних ценностных позиций такая — постмодернистская — власть выглядит предельно циничной. В итоге получаем политику как раковую опухоль, как власть для власти, власть для самих политиков. Опасность такого социального состояния коренится в том, что в предельном состоянии смуты в умах царит хаос, государство и общество становятся беззащитными, так как перестают видеть реальные угрозы и не могут соединиться для их отражения.

При этом постмодернистская парадигма политики исключает такие понятия, как конечные цели политики, ценности, во имя которых она осуществляется, общественные интересы, которым она призвана служить. Широко известно высказывание А. Михника, одного из лидеров «Солидарности»: «Мы отлично знаем, чего не хотим, но чего мы хотим — никто из нас точно не знает». Иными словами, политика здесь выступает как игра профессионалов, сделкой которых выступает выигрыш как таковой, т. е. власть в качестве самоценной категории, и внимание которых всецело поглощено не «публикой» (избирателем), а только партнерами по игре. Пожалуй, впервые этот новый статус «мира политического» оценил и подверг политологическому анализу А. Турен в работе «В пользу социологии» (1974). Он писал, что речь идет об автономии мира властных взаимодействий, не подчиняющегося никакой внешней целесообразности.

Действительно, постмодерн представляет собой не только метафорический язык богемы, плохо понимаемый большинством общества, но и новую реальность современных способов управления. Эта реальность фокусируется в переходе от административно-распорядительного управления социумом к мотивационному опосредованному воздействию. Теперь какое-либо управленческое воздействие транслируется не с помощью директив и указов, а с помощью конструирования программирующего поведения субъекта. Особенность такой конструкции состоит в том, что человек воспринимает решение как свое собственное, как единственный, отвечающий его интересам выбор, хотя в действительности он навязывается ему извне. Таким образом, политика стирает грани между жизнью и спектаклем, придает жизни черты карнавала, условности, зыбкости реального мира. Это уже было в мировой истории и происходило, как описывал М. Бахтин, при сломе традиционного общества в средневековой Европе. Но тогда это был естественно-эволюционный процесс, сегодня это делают с помощью политических технологий.

В свою очередь, привыкшая к видимым источникам политического управления российская власть воспринимает невидимые нити как их отсутствие. Это является глубочайшей ошибкой, приводящей к катастрофическим последствиям, таким как развал СССР, «потеря» собственного народа в период «оранжевых революций».

Последствия глобализации особенно остро ощущаются в системе межгосударственных отношений. Очевидно, что сложившиеся веками правила международного общежития рассыпаются на глазах. В них все меньше места остается уважению суверенитета и территориальной целостности, невмешательству во внутренние дела государств.

На смену приходит голая целесообразность формирующейся глобальной иерархии, утверждающей действенные институты международных регулирующих органов («глобальная держава», Большая семерка, ВТО, Всемирный банк, ОПЕК, НАТО и др.), формируя при этом на противоположном полюсе племя отверженных государств.

Опасно, что подобные действия происходят на фоне неумолимо слабеющих, созданных после Второй мировой войны международных институтов (ООН, в системном кризисе оказался Евросоюз). Такой ситуацией, как и всегда в мировой практике, пользуется сильнейший. Осознавая свои козыри, опираясь на сильную экономику, Америка вновь выдвигает свои претензии на регентство мировой международной политики. Профессор Клаус Шваб, основатель Давосского форума, предостерегал: «Глобализация вступила в весьма критическую фазу. Мы все острее ощущаем возврат к политике «кнута». Есть опасность, что это окажет пагубное воздействие на экономическую активность и политическую стабильность в разных регионах» [3]. Сегодня опасность превратилась в реальность. В статье, опубликованной в американской газете «The New York Times» 11 сентября 2013 года, президент Российской Федерации высказывает озабоченность тем, что «... военное вмешательство во внутренние конфликты в иностранных государствах стало обыденной практикой для США. Входит ли это в долгосрочные интересы Америки? Я сомневаюсь в этом. Миллионы во всем мире всё больше видят Америку не как модель демократии, а как страну, полагающуюся исключительно на грубую силу, сколачивающую коалиции по принципу «либо ты с нами, либо против нас» [4]. Подобная динамика развития международных отношений, положенная в основу урегулирования межгосударственных конфликтов, означает радикальный разрыв с логикой модернизации и основами социального менталитета нового времени, поскольку мы имеем рецидив конструкций, характерных, скорее, для мира «феодального», нежели для демократического. Весьма симптоматично на этом фоне в последнее время звучат высказывания и заявления об исключительности Америки и американской нации, о мессианском предназначении мусульманской веры и т. д. Последствия подобных идеологий, призывов и лозунгов хорошо известны мировой истории. Есть ли смысл в повторении?

Сегодня тенденции взаимодействия внутри нарождающегося универсума заметно отличаются от организационных начал уходящего мира. Формируемая поствестфальская система декларирует, с одной стороны, верховный суверенитет человеческой личности, главенство прав человека над национальным суверенитетом. При чем демократическая формула организации общества признается теперь интегральной и неотъемлемой частью международной си-

стемы безопасности. С другой стороны, в международно-правовом универсуме все чаще проявляются тенденции, при реализации которых позиция защиты прав человека служит лишь своеобразной дымовой завесой и одновременно эффективным инструментом для достижения иных, в том числе геополитических, целей. Иначе говоря, из декларированной гуманистической иерархии смыслов проистекают порой коллизии, в которых проступают черты альтернативной, быть может, менее внятной, но от этого отнюдь не менее действенной иерархии. В основе формирования такой иерархии лежит глобальный сценарий, предусматривающий перекройку регионального геополитического пространства либо его фрагментацию. Это подтверждают американские эксперты, заявляющие о том, что: «забота о национальной безопасности ... сегодня предполагает не столько оборону самой страны, сколько охрану и продвижение ее расширяющихся интересов по всему миру» [5]. «Мы, — отмечает А. Кинг, один из основателей Римского клуба, — находимся в центре длительного и мучительного процесса, ведущего к становлению — в той или иной форме — глобального общества, вероятную структуру которого еще невозможно вообразить» [3].

Кроме того, важнейшей целью внешней политики лидеров эпохи постмодерна становится предотвращение появления крупных игроков в различных регионах мира, в том числе и на постсоветском пространстве, а также обеспечение за мировыми лидерами и их ближайшими союзниками полномасштабного контроля над энергетическими ресурсами и маршрутами их транспортировки. Инструментом реализации подобного проекта выступает теория «управляемого хаоса» или «контролируемой нестабильности». Следует, однако, отметить, что сама по себе эта теория настолько универсальна, что ее может использовать практически любой «заказчик» — от заинтересованных внешних сил (например, Вашингтона) до транснациональных корпораций и даже внутренних сил (например, представителей политического истеблишмента, стремящихся совершить государственный переворот). В числе ее основных авторов — Збигнев Бжезинский (автор концепции «Американской всемирной гегемонии»), Джин Шарп (автор книги «От диктатуры к демократии»), Стивен Манн (автор работы «Теория хаоса и стратегическая мысль», координатор «цветных революций» в некоторых странах бывшего СССР) и другие.

Согласно С. Манну, существуют следующие средства создания хаоса на той или иной территории: содействие либеральной демократии; поддержка рыночных реформ; повышение жизненных стандартов населения, прежде всего элиты; вытеснение базовых национальных ценностей и государственной идеологии. При этом в логике планируемых перемен «наращивание демократии» есть наращивание ха-

оса, а «оранжевые революции» относятся к средствам достижения этой цели. Предпосылками таких «революций» являются: деидеологизация общества, идейный плюрализм, сбрасывание «балласта» ценностей, резкое повышение материальных запросов, прежде всего у элиты, потеря управляемости экономикой, беспредел «демократических», якобы самостийных, движений (часто имеющих этноконфессиональную окраску) — все это сознательно, на четко и подробно разработанной научной основе внедряемые составляющие «управляемого хаоса», служащие главной цели — демонтажу ныне существующих национальных государств, традиционных культур и цивилизаций. На место прежнего общества, по замыслу глобалистов, должно прийти нечто совершенно новое, а именно — общество, состоящее из людей со стертой исторической памятью (что, в свою очередь, достигается при помощи особых технологий, относящихся в основном к сфере СМИ и особенно системе образования).

Средством достижения планируемых перемен выступают «цветные революции», о которых эксперты впервые заговорили после событий в Сербии, Грузии и Украине; затем аналогичные революции с разной степенью интенсивности последовали в Киргизии, Болгарии, Молдавии, Азербайджане, Армении, Белоруссии, Узбекистане. Не обошли «революционные» настроения и Россию, так и не вылившись, однако, в активные массовые выступления. Сегодня геополитики интенсивно изучают феномен «цветных революций», поскольку именно с их помощью происходит передел пространства власти в нестабильных регионах мира. Эксперты выделяют следующие отличительные черты «цветных революций»: использование преимущественно невоенных средств для достижения целей перехвата власти; информационно-психологические воздействия, якобы мирные политические акции, легитимные методы смены режима.

Весьма благодатную почву для «цветных революций» представляют выборы, поскольку необходимое условие бескровной революции — массовое участие в ней населения, однако главная ударная сила «цветной революции» — не революционное большинство народа, а так называемая «пятая колонна», как правило, финансируемая из-за рубежа. Кроме того, в отличие от традиционных, «цветная революция» — сетевой процесс, работающий по сетевому принципу и активно использующий все каналы СМИ для легитимации своих целей и задач. Поскольку это сетевое явление, то политики и политологи США полагают, что «оранжевые революции» в Грузии и Украине следует считать лишь первым этапом демонтажа постсоветских государств, представлявших ранее зону интересов СССР. Они полагают, что важнейшим достижением на этом этапе является успех по захвату власти, достигнутый в Украине, даже несмотря на то, что те-

перь у власти находится другая политическая группировка. Красно-речиво оценила сложившуюся ситуацию экс-госсекретарь США Кондолиза Райс в 300-страничном докладе Госдепартамента США «Американское содействие распространению демократии в мире в 2004—2005 годах». В нем самым большим успехом Штатов считается «низвержение жульнического правительства на Украине». «Демократический» пожар вокруг России разгорелся с такой силой, что США уже составляют список новых очагов возгорания. Список из 25 «неблагополучных» государств, в который войдут страны «наибольшей нестабильности и риска», Национальный совет по внешней разведке США будет обновлять каждые полгода. Пока что в него попали Армения, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан. «В каждой стране мы пытаемся наладить контакты с представителями оппозиции, независимыми СМИ, пытаемся оказывать поддержку их усилиям по продвижению демократии», — заявил бывший помощник госсекретаря США Майкл Козак [7].

В своих истоках все «цветные революции», сотрясающие мир вот уже на протяжении четверти века, основаны на таких методологических постулатах, как: а) тактики ненасильственных форм сопротивления власти; б) стратегии «управляемого хаоса». Первый является разработкой американца Джина Шарпа, систематизировавшего совокупность методик мирного саботажа, с успехом применявшихся в течение XX века. Однако, несмотря на обширное и структурированное многообразие описанных Шарпом приемов [8], отработанную технологию их использования [9] и четвертьвековую апробацию, они, тем не менее, не представляют из себя что-то большее, чем просто инструментарий, действенность которого жестко ограничена местом, временем и характеристиками текущей ситуации. А вот создание таких характеристик призвана решать концепция «управляемого хаоса», которую один из ее главных популяризаторов, Стивен Манн, представляет ни больше ни меньше как «стратегию глобального военно-политического доминирования США».

Отчасти так оно и есть, так как в ее основе лежит чисто военная разработка одного из научных центров Пентагона. Она так приглянулась С. Манну, что его стараниями была популяризована и «ненавязчиво» перетекла в сферы дипломатии и международной политики. Поскольку обычно и сам «пропагандист» концепции «управляемого хаоса», и те, кто берется его пересказывать, весьма упрощают ее суть и акцентируют внимание на второстепенных признаках, необходимо сказать несколько слов о том, на чем она основана. А в основе лежит перехват власти посредством демократических технологий, разрушения культурного генофонда нации и формирования на этой основе

«киного народа». С. Манн, в частности, пишет: «С этим «идеологическим вирусом» в качестве нашего оружия США смогут вести самую мощную «биологическую войну» и выбирать, исходя из стратегии национальной безопасности, какие цели-народы нужно заразить идеологиями демократического плюрализма и уважения индивидуальных прав человека. С сильными американскими обязательствами, расширенными преимуществами в коммуникациях и увеличивающимися возможностями глобального перемещения вирус будет самовоспроизводящимся и будет распространяться хаотическим путем. Поэтому наша национальная безопасность будет иметь наилучшие гарантии, если мы посвятим наши усилия борьбе за умы стран и культуры, которые отличаются от нашей. Это единственный путь для построения мирового порядка...» [10].

В более поздней работе [11] он уточняет, что «для достижения подлинной глобальной кризисности... необходимы следующие предпосылки: 1) эффективные средства транспорта; 2) эффективные методы массового производства; 3) большая свобода экономической конкуренции; 4) повышение экономических стандартов, вытесняющих идеологию (когда борьба за выживание выиграна, для идеологии не остается места); 5) эффективные массовые коммуникации; 6) повышение ресурсных потребностей». Список представляет собой набор средств по атомизации общества путем отрицания объединяющего начала национальных идеологий через внедрение материально подкрепленной идеологии глобализма и воинствующего индивидуализма. Этот «набор» включает:

- 1) использование новейших коммуникационных технологий;
- 2) раскол элит;
- 3) объединение разрозненной оппозиции;
- 4) общую социально-политическую дестабилизацию;
- 5) организацию массовых беспорядков;
- 6) государственный переворот с дозированным по обстоятельствам применением насилия.

Тактически в основу доктрины положены следующие положения: объединение в нужный момент и на требуемый период разрозненных политических сил, выступающих против существующего законного правительства; подрыв уверенности лидеров страны в своих силах и в лояльности силовых структур; прямая дестабилизация обстановки в стране, поощрение настроений протеста с привлечением криминальных элементов с целью посеять панику и недоверие к правительству; организация смены власти путем военного мятежа, «демократических» выборов или другим путем. Данная доктрина учитывает то, что любая политическая система является неравновесной, при этом в авторитарном обществе стремление к хаосу выражено более сильно,

чем в демократическом (за счет существования в последнем механизмов саморегуляции). Соответственно, демократический порядок, из-за своей устойчивости, является более желательным, а авторитарный — менее. Таким образом, Соединенные Штаты Америки, определив себя ведущей демократической державой, полагают, что миром демократии на них возложена миссия — снижать степень неустойчивости мировой политической системы путем превращения авторитарных режимов в демократические. Однако делать это они должны в соответствии с доктриной «управляемого хаоса», т. е. путем стимуляции активности населения внутри самих авторитарных государств. В результате будет наблюдаться усиление хаотизации общественной жизни в авторитарных государствах.

Совершенно очевидно, что технология «бархатных» революций использует слабость государств, в которых проведена «демократизация» и декларирована свобода слова и собраний. Чаще всего здесь в умы работников правоохранительных органов внедрена идея о недопустимости насилия по отношению к тем, кто не совершает насильственной агрессии — даже если допускает «мягкие» правонарушения. Эта неполноценность государственности была заложена как программа-вирус в механизм власти всех стран переходного типа, в которых правящий слой впал в соблазн быть принятым в глобальную элиту «мирового сообщества». Во всех таких странах была проведена перестройка — отказ от греха «тоталитаризма» в политической сфере и отказ от греха «огосударствления» в сфере экономики. В этот период и производятся революции из серии «бархатных». На втором витке этого перехода производится там, где надо, замена «посттоталитарной» власти (например, постсоветской) на властную команду из уже специально выращенного элитарного круга, как это произошло при смене Шеварднадзе на Саакашвили или Кучмы на Ющенко.

Понятно, что уязвимыми в отношении «бархатных» и «оранжевых» революций являются государства с ущербным суверенитетом. Это те режимы, которые по разным причинам вынуждены сверять свои действия с тем, «что скажут в Вашингтоне». Напротив, реально независимые государства нечувствительны к таким технологиям. В зависимых государствах в конце концов в какой-то момент будет достигнута критическая масса хаоса, с которым авторитарное правительство справиться не сможет и в качестве эффективного политического актера вынужденно исчезнет. Ему на смену обязательно придет демократическое правительство, которое обязано принести клятву верности демократии и тем, кто обеспечил их появление, — правительству США.

В то же время «оранжевая революция» невозможна в США или Китае, поскольку там власть и полиция стоят на страже государ-

ственного строя в соответствии с конституцией и разгоняют незаконные митинги и шествия вне зависимости от поведения их участников и от реакции «мировой общественности». Если государство способно противостоять так называемому демократическому «ненасилию», то спектакль попросту закрывается или переводится в категорию «гуманитарных интервенций». Так это было при бомбардировках Югославии, в тотальной информационной, авиаракетной и наземной войне против Ливии. В Белоруссии к демонстрантам применяли более или менее вежливое насилие за факт выхода за пределы отведенного им пространства, а в случае их насильственных действий привлекали к судебной ответственности. Здесь попытка «оранжевой» революции превратилась в позиционную войну — информационную, дипломатическую и экономическую.

В пронесшемся над Северной Африкой «политическом цунами», «успешно» демонтировавшим ряд политических режимов, отчетливо просматривается подобный сценарий. Здесь прежде всего очевиден шаблон протекания революций, очень похожий на сценарий «оранжевых революций». «Революции» вспыхнули практически одновременно в различных государствах, что, как правило, исключает элемент случайности и предполагает высокий уровень координации либо внешнего планирования. Без внешней финансовой поддержки мятежи в этих государствах, которые имели сильные полицию, вооруженные силы, невозможны. Беспорядки охватили государства Тунис, Египет, Ливию, Бахрейн, Йемен, однако в стороне остались более «проблемные» с точки зрения демократии и социальных проблем государства — Алжир, Марокко и др. Иными словами, вал беспорядков напоминает «контролируемую цепную реакцию», которая представляет собой обязательный элемент технологии «цветной революции». Следовательно, технология «перманентной революции» обязательно предполагает элемент «революционного переката», когда мятежи в одной стране становятся пусковым механизмом «революции» в другой.

Как уже указывалось, во всех «революциях» просматриваются такие общие черты: использование преимущественно невоенных средств для достижения целей; массированное информационно-психологическое воздействие на население; ударной силой выступает так называемая «пятая колонна», финансируемая из-за рубежа; в основе «революций» лежит сетевой процесс, при этом активно используются все каналы СМИ для легитимации своих целей. Кроме того, вполне очевидна связь активистов революций с грантами или стипендиями таких организаций, как Институт «Открытое общество» (Фонд Джорджа Сороса), Гарвардский университет, Институт Альберта Эйнштейна, Международный республиканский институт и

Национальный демократический институт (США), Международный центр ненасильственных конфликтов, Международный институт стратегических исследований в Лондоне и пр.

Поскольку Россия тоже считается государством победившей демократии, для нее также существует опасность перехвата власти. Истоки такой возможности коренятся в стремлении Запада не допустить возрождения России. В свою очередь, усиление Китая и Индии, установление Российской Федерацией с этими государствами тесных многосторонних связей вызывают опасение США в «подрыве» американского гегемонизма и невозможности в будущем осуществлять глобализацию «по-американски». Пресечь эту тенденцию можно путем отрыва Российской Федерации от формируемого центра, посредством подчинения российской элиты и превращения России в фактор сдерживания Китая и Индии.

Решение такой задачи возможно путем «перехвата» власти в России другой, новой, более проамериканской «бригадой». Способ решения задачи — «оранжевая революция». Наиболее удобный момент для реализации — выборы президента 2018 года, представляющие собой момент «естественной нестабильности» для государств переходного типа. В таких государствах смена президента в период выборов создает обстановку большой неопределенности. Она, как правило, обуславливается: отчуждением населения от власти; отсутствием консенсуса в целях и задачах по развитию общества и государства у всех политических сил, участвующих в выборах; отсутствием гражданского общества; враждебным отношением большинства населения к проводимой властью социально-экономической политике; деградацией многопартийности и парламентаризма и, наконец, расколом элиты и общества. Власти как будто неведомо, что желание и стремление ее свергнуть возникает не под влиянием материальных проблем и тягот, а прежде всего от несправедливости, беззастенчивого попиранья и разрушения той системы ценностей, которая господствует в большинстве общества, нежелания власти говорить с народом, продавливания непопулярных в обществе законов и программ (монетизация льгот, реформа образования, реформа науки РАН, пенсионная реформа и т. д.). Американский социолог Г. Дерлугьян, изучающий постсоветские страны, пишет: «Массовое обнищание и недовольство политически не опасны и могут регулярно уходить в эмиграцию, рост заболеваемости, алкоголизма, мелкую преступность, падение рождаемости и прочие социальные патологии. Все это превращается в социальный динамит только когда возникает детонатор — неподконтрольные религиозные проповедники, интеллигенция, организовавшаяся в революционное движение, или выпавшие из невоетчинной обоймы начальники и особенно молодые харизматиче-

ские личности, которым не удастся встроиться во власть» [12]. Таких детонаторов в Российской Федерации сейчас с избытком. Поэтому если все это сконцентрируется перед выборами и если к такой предвыборной ситуации добавить искусственную нестабильность, довести ее до критического уровня, то переход власти в иные руки становится вполне возможным. И общество не встанет на защиту лидера, как это было с М.С. Горбачевым, Л.Д. Кучмой, Э.А. Шеварднадзе. При продолжении курса, который не понятен большинству общества и не одобряется им, противоречия между властью и обществом могут оказаться настолько глубокими, что свергающие ее силы окажутся для населения ближе, нежели проводимые властью реформы. Да и технологии перехвата власти в момент выборов доведены до высокого уровня совершенства. А неудавшаяся попытка организовать перехват на выборах 2012 года заставляет обе стороны внимательно делать «работу над ошибками». Не следует без внимания относиться и к замечаниям организаторов таких революций. Збигнев Бжезинский в статье «Русская рулетка», опубликованной в «The Wall Street Journal» 29 марта 2005 г., отмечал, что «демократическое» окружение само по себе не сможет «угрожать» России, так как обладает недостаточной мощью. Однако тут же добавляет: «Их пример неизбежно усилит давление внутри России за аналогично решительный разрыв с авторитарной и шовинистической традицией, которая все еще господствует в умах политической элиты Москвы. И этот разрыв наступит очень скоро. Когда свойственная Европе притягательность вызовет решительную переориентацию умов более молодых россиян и их видения того, чем должна быть Россия». Бжезинский считает, что в авангарде «борьбы за демократию» в России окажется молодежь — «хорошо образованная, нередко бывавшая за рубежом и имеющая реальные представления о международных правах человека». «Аналогично решительный разрыв», как в Грузии и Украине, — это и есть «оранжевая» революция. Причем, по мнению Бжезинского, борьба за российскую демократию произойдет намного быстрее, чем воображают себе многие (к ним он относит людей, воспитанных на марксизме, тех «чье сознание отстает от действительности»). Здесь есть ряд интересных моментов: в авангарде перехвата власти хорошо образованная молодежь (корреляция с событиями на африканском континенте) и, самое главное, новая молодежь, понимающая суть прав человека как основу нового народа, по настоящему готовая к демократии на западный манер.

«Чем скорее сама Россия станет демократией, тем более вероятно, что перемены в бывшем Советском Союзе консолидируют геополитический плюрализм мирным путем и одновременно придадут революционной волне более молодого поколения подлинно демократическую отчетливость», — уверен Бжезинский.

С помощью таких технологий была осуществлена смена властных элит в Сербии, Грузии и Украине. Совершенно очевидно, что ослабление, низкий авторитет власти создают объективные предпосылки ее смены, задачи внешних сил воспользоваться создавшейся ситуацией, быстро и организованно осуществить перехват.

Таким образом, в некотором смысле «цветные революции» можно рассматривать как ударный элемент «управляемого хаоса» и особую форму информационной войны. В целом в геополитическом перделе мира доктрина «управляемого хаоса» оказалась весьма удобным и действенным средством для достижения поставленных целей при минимальных финансовых затратах. По сути, сегодня это новая форма колониальной политики, превращение ряда стран в обслуживающий придаток государств «золотого миллиарда». Эти аргументы дают основания для постановки проблемы запрета и организации международного контроля над использованием технологий управляемого хаоса. Россия в последние десятилетия была активным инициатором правового регулирования в сфере международной информационной безопасности, сегодня она могла бы выступить также инициатором в сфере международного правового регулирования использования технологий управляемого хаоса.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Печчеи А. *Вызов 70-х годов современному миру*. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. Москва, 1997, с. 319.
- [2] Кара-Мурза С.Г. *Кризисное обществоведение*. Части первая, вторая. Курс лекций. Москва, Научный эксперт, 2011, 2012.
- [3] Рамоне И. *Геополитика и хаос*. Москва, 2001, с. 46.
- [4] URL: http://sputnikipogrom.com/politics/4616/putin_nyt
- [5] Andrew J. Vacevich. *Who will Serve? The Wilson Quarterly*. Интеллектуальный форум, 2001, № 6, с. 27.
- [6] Рамоне И. *Геополитика и хаос*. Москва, 2001, с. 13.
- [7] Панова Е. *США готовят «революцию» в России*. Росбалт, 2005, 30 марта.
- [8] Дж. Шарп. *От диктатуры к демократии*. Приложение. Методы ненасильственных действий. URL: <http://antiliberast.ru/blogs/13830>
- [9] Три этапа государственного переворота: 1) акции протеста, тест на приемлемость идеи о «нелегитимности властей» и их способность к сопротивлению, формирование антиправительственного движения из разрозненных протестных групп, определение мобилизационного протестного потенциала общества; 2) дискредитация силовых структур и госаппарата, агитация в пользу саботажа и вредительства; 3) непосредственное свержение власти. URL: <http://www.newsru.com/world/22feb2012/sharp.html>
- [10] Гордеев К. *О сетевых технологиях, «оранжевой революции» и Третьей мировой (II)*. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/03/16/o-setevyih-tehnologijah-oranzhevoj-revoljucii-i-tretej-mirovoj-ii-13330.html>
- [11] Steven R. Mann. *The Reaction to Chaos. Complexity, Global Politics, and National Security*. Ed. by David S. Alberts and Thomas J. Czerwinski. National Defense University, Washington, D.C., 1998.

[12] Дерлугьян Г. Выход из революции. *Политический журнал*, 2004, № 13.

Статья поступила в редакцию 10.01.2014

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Ремарчук В.Н. «Управляемый хаос» как политическая технология в современной геополитике. *Гуманитарный вестник*, 2014, вып. 1. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/polit/hidden/153.html>

Ремарчук Валерий Николаевич — доктор философских наук, профессор, декан факультета «Социальные и гуманитарные науки» МГТУ им. Н.Э. Баумана. Область научных интересов: современное миротворчество, проблемы общей и военной конфликтологии, ненасильственные технологии смены власти, технологии «цветных революций». e-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru